

В. П. КАЗНАЧЕЕВ, А. Л. ЯНШИН

В. И. Вернадский в настоящем и будущем

Вклад В. И. Вернадского в мировую науку огромен. Сам процесс развития его научной мысли, его «логики естествознания» отмечен такой самобытностью и глубиной, что, несомненно, может считаться явлением исключительным в истории естествознания, а целеустремленность и сосредоточенность всей его долгой жизни на опережающих путях развития естествознания и вклад в мировую науку настолько выдающиеся, что дают основание выделить личность В. И. Вернадского как личность гениальную. Несомненно, прав И. Мочалов, который в своей книге¹ сравнивал «масштабность научного мировоззрения» В. И. Вернадского с размахом творчества гения русской науки XVIII века М. В. Ломоносова.

Пройдет время, вклад Вернадского в отечественную и мировую науку по праву займет равное место с наследием таких классиков естествознания, как Ньютон, Дарвин, Эйнштейн.

Гениальность ума Вернадского проявилась не только в том, что, изучая природные явления, он в течение всей своей жизни продолжал расширять свое видение мира и стал первооткрывателем и организатором многих новых наук и научных направлений, но и в том, что он смог объединить колоссальное количество найденных фактов, многочисленные достижения мировой науки в единое естественно-историческое полотно — от явлений молекулярных до планетарных и космических, от появления жизни на Земле до планетарного значения живого вещества, естественного и социального преобразования планеты и научной мысли как планетного явления. Работы Вернадского действительно стали в истории науки крупнейшим событием, знаменующим, по гениальному предвидению К. Маркса, эпоху, когда естествознание и наука о человеке станут одной наукой. Законы естественно-исторические и социально-исторические,

проникая друг в друга, находят в работах Вернадского свое место в более широких, всеохватывающих законах развития органического мира нашей планеты и населяющего ее человечества. В работах Вернадского завершается и первый этап развития наших представлений о связи всего земного с явлениями и процессами космического масштаба.

Изучение научного наследия Вернадского началось сравнительно недавно, и в значительной мере оно — дело будущего. За последние годы многие работы ученого переизданы и опубликованы впервые, на крупных научных форумах в нашей стране и за рубежом, в различных учреждениях, в печати все шире освещаются разные стороны наследия Вернадского, начаты углубленные исследования его материалистических философских воззрений, логики и диалектики его мышления (И. И. Мочалов, Б. М. Кедров, К. П. Флоренский, И. В. Кузнецов).

Разговор, возникший на страницах журнала «Новый мир», с участием таких известных исследователей-натуралистов, как И. М. Забелин и И. И. Мочалов, — заметное событие в изучении мировоззрения Вернадского. Символичны и названия дискуссионных статей. Эти работы написаны с глубоким пониманием проблем, убежденностью и ярким полемическим стилем. Это естественно, так как одна из главных работ Вернадского, которая стала на этот раз предметом обсуждения — «Размышления натуралиста», — опубликована впервые только в 1975—1977 годах и отражает наиболее интересные и глубокие мысли ученого, характеризующие его как естествоиспытателя и мыслителя широких и подчас оригинальных материалистических философских воззрений. Это видно и из подзаголовков двух книг, объединенных заглавием «Размышления натуралиста», — «Научная мысль как планетное явление» и «Пространство и время в неживой и живой природе». Что же привлекло наибольшее внимание в этих работах и явилось предметом интересного научного спора?

Прежде всего вопросы соотношения материального и идеального². И тот и другой исследователь подчеркивают в мировоззрении Вернадского позиции естествоиспытателя-материалиста. Это несомненно. Более того, его материалистическое мировоззрение находит диалектическое развитие, когда он, не отрицая идеального в обобщающих представлениях о неделимых отдельных организмах, о живом едином веществе и далее — биосфере, прежде всего исследует и вскрывает объективную диалектику его развития («объективную логику в естествознании», как говорил он сам) и анализирует биосферу, живое веще-

ство и его взаимодействие с косным как эволюционно новую планетарную геологическую силу. Силу материальную по своей сути, постепенно развивающуюся и отражающую в своем развитии более глубокие ее взаимодействия и зависимость от планетарно-космических процессов.

Далее вопросы идеального и материального наиболее ярко отражаются в его широком обобщении, основной смысл которого обозначен в подзаголовке записок натуралиста, той книги, которая, по замыслам Вернадского, должна была стать частью его обобщающей «книги жизни». Здесь он поднимается до величайшего обобщения. Мысль человечества в ее возникновении и развитии предстает перед нами в представлении Вернадского как новое планетарно-космическое явление. Свойства этого взаимодействия идеального начала мысли с окружающей живой и неживой природой делают ее величайшей всепобеждающей силой. Силой, которая отражает в себе и социальные и естественно-исторические законы развития, и прогресс, который неодолим никакими социальными и природными вмешательствами.

Отсюда величайший оптимизм Вернадского во всех важнейших вопросах: убежденность в овладении человечеством новыми источниками энергии (в том числе атомной), перерастание биосферы в ноосферу — такое состояние планеты, где общество будет иметь все условия свободного демократического развития, ближайшие перспективы завоевания космоса, поиски космических форм жизни на других планетах, неодолимость победного искоренения таких социальных катаклизмов, как войны.

Не случайно последняя работа Вернадского, опубликованная в 1944 году³, за несколько месяцев до его смерти, звучит как великое торжество человеческого разума и убежденность в победе над реакционными силами фашизма — силами, противными не только социальным законам исторического развития, но и всеобъемлющим законам планетарно-космического процесса — развития ноосферы. Здесь сливаются воедино в мыслях Вернадского социальное и естественное, идеальное и материальное — формируются пути дальнейшего бесконечного научного развития научной картины мира. Здесь он как естествоиспытатель приближается к пониманию истории человечества в истинно марксистском видении построения коммунистического общества.

Несомненно, правы оба оппонента, и Забелин и Мочалов, в оценке этих основных вопросов в мировоззрении Вернадского. Что же касается очень интересных высказываний Забелина о

диалектике, возможных путях эволюции и о механизмах в отношении идеального и материального, высказываний, в которых постулируются черты идеального в генетических структурах живых организмов, его сетования о том, что Вернадский якобы не увидел этапы эволюционизма как кристаллограф, то все это уже лишь попытки творческого, собственного видения желаемого в трудах и мыслях Вернадского. Это как раз та специфическая грань идеального и материального мира биосферы, закономерности существования и развития отдельных организмов, неделимого живого вещества, непосредственно которыми Вернадский как естествоиспытатель, по существу, и занимался.

Изучение геохимии и биогеохимии, а также радиобиологии позволило Вернадскому сделать значительно более глубокие и широкие обобщения в проблемах идеального и материального. Попытка Забелина увидеть в работах Вернадского подтверждение своих мыслей естественна, и его собственное предположение о путях развития естествознания и такой науки, как география, несомненно, полезно сегодня. Сказанное в равной мере относится и к попыткам Забелина по-своему трактовать понятия ноосферы, которую он, в согласии с Вернадским, расценивает как эволюционно новую стадию планетной эволюции, но считает в изложении Вернадского ограниченной, суженной. В настоящее время, вероятно, еще рано, не имея достаточно новых фактов, пытаться «исправить», несомненно, глубоко обоснованное Вернадским это обобщающее понятие естественно-исторического периода развития планеты в масштабах планетно-космических закономерностей и тем более проводить параллели в этом аспекте между учением материалиста Вернадского и идеалистическими по своей сути идеями Тейяра де Шардена.

Далее авторов статей занимают вопросы диалектики, историзма, эволюционизма в трудах Вернадского. Рассматривая эти вопросы, Забелин очень интересно и стройно освещает последовательность развития мысли Вернадского. Сами названия отдельных разделов его статьи отражают это. Все творчество и мировоззрение великого ученого отличаются тем, что, оставаясь материалистом на всех уровнях исследований, он пытался на основании твердых научных фактов, как он утверждал, — «эмпирическим путем» вскрыть, увидеть диалектику вещей, диалектику естествознания. Он восстает против идеалистических тенденций в науке, против мистики, идеалистических философских течений в истории естествознания и науки своего времени.

Диалектика мысли, умение видеть взаимопереходы, единство и борьбу противоположностей, переход количества в качество,

единство формы и содержания, наконец, бесконечность движения материи, взаимосвязь идеального и материального позволили ученому построить грандиозную картину эволюции нашей планеты, становления жизни, ее планетарную и космическую масштабность, увидеть живое вещество как новую геологическую силу в эволюции планеты и человеческую мысль как отражение материальных неодолимых прогрессивных сил планетарно-космического развития.

Вряд ли можно согласиться с отрицательной оценкой Забелиным целесообразности и научной ценности такого обобщения в работах Вернадского, как учение о живом веществе и выделение этого понятия. Вернадский был далек от того, чтобы исключить из этого понятия свойства жизни. Наоборот, введение этого понятия отражает новый уровень видения биологического мира, отличный от общепринятых важных обобщений в работах биологов, и открывает новые возможности познания и управления биосферными процессами. Укажем, что учение о живом веществе и биосфере сегодня стало теоретической основой прогрессивных исследований в таких новых направлениях науки, как глобальная экология, экология человека, и других.
<...>

Наше видение В. И. Вернадского для науки и практики во многом лишь начинается. Тем, кто делает первые шаги, тем более трудно, и оценивать их усилия, оглядываясь назад, конечно, легче. Мы хотели бы лишь пожелать скорейшего широкого развития таких исследований во имя отечественной и мировой науки, торжества разума, который, по словам Вернадского, преодолет все трудности на своем пути и достигнет планетарного, самого демократического и исторически неизбежного уровня развития, уровня ноосферы, при построении коммунистического общества.

